

На правах рукописи

Рудич Валерий Владимирович

**МЕХАНИЗМ ПРИМЕНЕНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ
В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

12.00.09 – Уголовный процесс

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Ульяновск – 2020

Работа выполнена в федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Уральский государственный юридический университет» на кафедре уголовного процесса.

Научный консультант: **Зайцев Олег Александрович**,
доктор юридических наук, профессор, заслуженный
деятель науки Российской Федерации

Официальные оппоненты: **Дорошков Владимир Васильевич**,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт
международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской
Федерации», кафедра уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики, профессор кафедры;

Насонова Ирина Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства
внутренних дел Российской Федерации», кафедра
уголовного процесса, профессор кафедры;

Халиулин Александр Германович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской
Федерации», кафедра прокурорского надзора за
исполнением законов в оперативно-розыскной
деятельности и участия прокурора в уголовном
судопроизводстве, заведующий кафедрой

Ведущая организация: **ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский
Томский государственный университет»**

Защита состоится «18» декабря 2020 г. в 10.00 на заседании объединенного диссертационного совета Д 999.220.02, созданного на базе федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ульяновский государственный университет» по адресу: 432970, г. Ульяновск, ул. Гончарова, д. 40/9, ауд. 301.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в научной библиотеке Ульяновского государственного университета и на официальном сайте вуза <https://www.ulsu.ru>, с авторефератом – на сайте Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России <https://vak.minobrnauki.gov.ru>.

Отзывы на автореферат просим высылать по адресу: 432970, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42, ФГБОУ ВО УлГУ, отдел подготовки кадров высшей квалификации.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

О. А. Максимов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена существенными конструктивными недостатками механизма применения мер пресечения по уголовным делам. Репрессивный характер уголовной политики, обвинительный уклон уголовной юстиции с избыточным применением мер правового принуждения в виде лишения свободы и заключения под стражу противоречат международно-правовым стандартам обеспечения прав и свобод человека и гражданина, что признается одним из структурных ограничителей социально-экономического развития страны.

Практика применения мер пресечения традиционно носит антигуманный характер. В частности, в 2018 году судами рассмотрено 113 141 ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых 102 165 было удовлетворено (90,3 %). За первое полугодие 2019 года – 52 836 ходатайств, из которых удовлетворено 47 951 (90,8 %). Для сравнения: в 2017 году судами удовлетворено 113 269 ходатайств следственных органов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, в 2016 году – 121 796, в 2015 году – 140 457, в 2014 году – 133 755, в 2013 году – 133 111, в 2012 году – 132 923, в 2011 году – 135 850. Ходатайства о применении домашнего ареста поступили в суды в 2018 году только в количестве 7 170, что составляет 6,3 % от общего количества ходатайств о заключении под стражу. За первое полугодие 2019 года поступило 3481 ходатайство о применении домашнего ареста (6,6 % от общего количества ходатайств о заключении под стражу). Для сравнения: в 2017 году судами удовлетворено 6 442 ходатайства следственных органов об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, в 2016 году – 6 056, в 2015 году – 4 676, в 2014 году – 3 333, в 2013 году – 3 086, в 2012 году – 2 714, в 2011 году – 1 346. Что касается применения в качестве меры пресечения залога в 2018 году, то судами

рассмотрено всего лишь 122 ходатайства. За первое полугодие 2019 года – 43 ходатайства¹.

Несмотря на решения Европейского Суда по правам человека² в отношении России, в которых указывалось на не отвечающую требованиям «о разумном сроке» продолжительность производства по уголовному делу и, как следствие, длительное содержание под стражей обвиняемых, за последние пять лет количество освобожденных из следственных изоляторов в период предварительного следствия и судебного разбирательства увеличилось совершенно незначительно (только на 0,4 %)³.

К сожалению, непоследовательные изменения и дополнения российского уголовно-процессуального законодательства добавляют к имеющимся недостаткам механизма применения мер пресечения новые проблемы. Сложилась тенденция к созданию особых правовых стандартов применения мер пресечения в отношении ряда категорий граждан: «спецсубъектов», «предпринимателей». В последние годы в данном направлении появляются новые инициативы, которые подрывают основу правового регулирования: принцип равенства всех перед законом и судом. По данному поводу заместитель председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. Карлин особо отметил, что данная проблема избрания и продления заключения под стражу является достаточно острой и актуальной, в силу чего вызывает озабоченность у общественности и требует серьезного комплексного изучения⁴.

Путь к решению проблемы репрессивности уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения по уголовным делам и к ее гуманизации

¹ См.: Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://cdep.demoservice.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.12.2019)

² Далее – Европейский Суд, ЕСПЧ.

³ См.: Официальный сайт ФСИН России. URL: <http://фсин.пф/structure/inspector/iao/statistika/> (дата обращения: 01.03.2019).

⁴ См.: Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения: круглый стол. 18.07.2019 г. // Официальный сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ. URL: <http://council.gov.ru/events/committees/106639/> (дата обращения: 02.08.2019).

лежит через своевременное осознание того, что частичными изменениями механизма применения мер пресечения ее не решить. Во-первых, надо понять, что данная проблема носит институциональный характер. Она порождена переходным типом российского уголовного процесса, который сложился из-за незавершенности судебной реформы. Уголовно-процессуальная система, включающая судебный контроль за применением мер пресечения в ходе досудебного производства, остается, в сущности, модернизированной советской моделью. Введение судебного контроля за применением мер пресечения в стадии предварительного расследования, будучи, безусловно, положительной мерой, априори не могло привести к формированию состязательных правовых стандартов применения мер пресечения в несостязательном предварительном расследовании. Во-вторых, существует и цивилизационный аспект этой проблемы: Россия, как и другие страны, стоит на пороге очередной информационно-технологической революции (цифрового мира), но сохраняет правовой инструментарий, созданный еще в прошлые века.

Необходим новый концептуальный проект реорганизации института применения мер пресечения во взаимосвязи с реформой предварительного расследования и структурной перестройкой всего уголовного судопроизводства по состязательному типу. Однако этому мешает следственная доктрина, способная выполнять по отношению к существующему уголовно-процессуальному строю только охранительную функцию и функцию консервации правовой модели применения мер пресечения. Отсутствует надежная научная основа для выработки правовой политики в этой критически важной для общества сфере уголовно-процессуальной деятельности.

Для выхода на качественно новый уровень понимания перспектив развития уголовной юстиции и такого ее важнейшего элемента, как мера пресечения, необходимо отказаться от догматов советской правовой школы и тех заблуждений, которыми они обросли в переходный период. Именно сейчас злободневен критический анализ и пересмотр концептуальных основ российского правоведения, на которых традиционно строилось учение о механизме правового регулирования

применения мер пресечения. Таким образом, исключительная важность разрешения существующих проблем, связанных с функционированием действующего механизма применения мер пресечения, наглядно свидетельствует об актуальности избранной темы исследования и требует надлежащей комплексной теоретической разработки.

Степень научной разработанности темы исследования, с одной стороны, достаточно велика. С другой стороны, наблюдается догматическое, одностороннее освещение имеющихся проблем, что обусловлено господством нормативистского подхода.

Особую роль в разработке темы исследования сыграли такие ученые русского уголовного процесса, как А. Ф. Кистяковский, В. Д. Кузьмин-Караваев, П. И. Люблинский, П. В. Макалинский, В. В. Микляшеский, В. К. Случевский, С. В. Познышев, Д. Н. Стефановский, И. Я. Фойницкий и др.

Среди ученых, которые внесли важный вклад в разработку проблематики мер пресечения в советском процессе, следует назвать А. Д. Бойкова, В. И. Громова, Ю. М. Грошевого, К. Ф. Гуценко, П. М. Давыдова, В. Г. Даева, З. Д. Еникеева, З. Ф. Ковригу, Л. Д. Кокорева, Ф. М. Кудина, Э. Ф. Куцову, А. М. Ларина, Ю. Д. Лившица, В. З. Лукашевича, П. А. Lupинскую, И. Л. Петрухина, Н. Н. Полянского, В. М. Савицкого, М. С. Строговича, М. А. Чельцова, Ю. К. Якимовича, М. Л. Якуба и др.

В постсоветский период значимые результаты в исследовании данной проблематики достигнуты А. С. Александровым, О. И. Андреевой, В. С. Балакшиным, Б. Т. Безлепкиным, В. П. Божьевым, Б. Б. Булатовым, В. М. Бозровым, С. И. Вершининой, А. Г. Волеводз, Б. Я. Гавриловым, В. Н. Григорьевым, А. В. Гриненко, Ю. В. Деришевым, С. М. Даровских, В. В. Дорошковым, А. Ю. Епихиным, О. А. Зайцевым, З. З. Зинатуллиным, К. Б. Калиновским, Н. И. Капинус, В. М. Корнуковым, Э. А. Кутуевым, Л. А. Лазутиным, Н. С. Мановой, И. В. Масловым, В. Ю. Мельниковым, В. А. Михайловым, Т. Г. Морщаковой, К. В. Муравьевым, В. В. Николюком,

А. Д. Прошляковым, Л. К. Труновой, В. Т. Томиным, А. Г. Халиулиным, Г. П. Химичевой, О. В. Химичевой, О. И. Цоколовой, С. П. Щербой и др.

Отдельный корпус знаний о мерах пресечения составляют многочисленные исследования института судебного контроля, которые проводили такие ученые-процессуалисты, как В. А. Азаров, А. А. Давлетов, Н. Н. Ковтун, Н. А. Колоколов, В. А. Лазарева, Н. С. Манова, Е. Б. Мизулина, Н. Г. Муратова, А. В. Смирнов, Т. В. Трубникова, И. Ю. Таричко и др. Различным аспектам мер пресечения в уголовном процессе посвятили свои докторские диссертации Н. И. Капинус (Москва, 2001); Л. К. Трунова (Санкт-Петербург, 2002); Б. Б. Булатов (Н. Новгород, 2003); Э. К. Кутуев (Санкт-Петербург, 2004); О. И. Цоколова (Москва, 2007); В. Ю. Мельников (Москва, 2014), С. И. Вершинина (Самара, 2017), К. В. Муравьев (Омск, 2018). Кроме того, по данной проблематике защитили кандидатские диссертации А. В. Величко (Москва, 2001); М. И. Селин (Санкт-Петербург, 2002); Н. Г. Нарбикова (Оренбург, 2005); Н. В. Бушная (Волгоград, 2006); Е. В. Салтыков (Екатеринбург, 2007); Р. В. Орлов (Иркутск, 2008); А. Е. Григорьева (Красноярск, 2009); А. В. Струков (Н. Новгород, 2009); В. А. Светочев (Калининград, 2009); А. А. Чуниха (Ставрополь, 2009); Д. А. Долгушин (Владимир, 2010); С. В. Колоскова (Москва, 2014); Л. М. Фетищева (Н. Новгород, 2016); А. О. Зайцев (Москва, 2017); Ю. В. Царёва (Н. Новгород, 2018) и др.

Таким образом, российской уголовно-процессуальной наукой накоплен значительный объем знаний по избранной теме, что требует всестороннего теоретического осмысления для реализации поставленной цели исследования.

Целью диссертационного исследования является создание авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения, а также обоснование системного подхода к конструированию новой модели правоприменения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, обеспечивающему эффективную судебную процедуру применения мер пресечения на основе равенства и состязательности сторон.

Указанная цель исследования обусловила постановку следующих **основных задач**:

- осуществить сравнительный анализ комплекса научных представлений о сущности мер пресечения, их цели, системе мер пресечения, их соотношении с другими мерами правового принуждения;

- раскрыть системную связь механизма применения мер пресечения с типом уголовного процесса, направлением развития уголовно-процессуальной политики и уголовной политики государства в целом, господствующей правовой доктриной, государственным строем и организацией ветвей власти, а также с существующей организацией предварительного расследования, технологией доказывания, порядком предъявления обвинения;

- провести анализ отечественной традиционной доктрины об институте мер пресечения и механизме их применения;

- изучить состояние современного механизма применения мер пресечения в рамках существующего судебного контроля;

- рассмотреть проблемы реализации прав участников судебной процедуры принятия решения о применении меры пресечения;

- изучить особенности регулирования применения мер пресечения нормами международного права в контексте положений Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод, решений ЕСПЧ;

- провести анализ правовых стандартов, связанных с механизмом применения мер пресечения;

- изучить теоретические разработки и предложения по реформированию отечественного уголовного судопроизводства и процедуры применения мер пресечения;

- обосновать авторскую теоретическую модель механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства;

- определить содержательные элементы и условия функционирования обосновываемой авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения;

- разработать конкретные меры по реорганизации уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения;

- разработать предложения по изменению и дополнению российского уголовно-процессуального законодательства.

Объектом исследования является совокупность правоотношений, возникающих между участниками судебной процедуры принятия решения о применении, продлении, изменении, отмены меры пресечения, и реализации ими своих прав и обязанностей в существующем отечественном типе уголовного процесса.

Предметом исследования выступают нормы национального, зарубежного и международного права, регулирующие порядок применения мер пресечения; судебная практика Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, ЕСПЧ, практика областных, городских и районных судов общей юрисдикции по вопросам применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве; теоретические представления о понятии, содержании, значении правовой организации применения мер пресечения в современном уголовном процессе; данные статистики.

Методологическая основа диссертационного исследования представлена общими и частнонаучными методами научного познания: диалектическим, системным, историческим, индуктивным, дедуктивным, анализом, синтезом, аналогией; юридико-техническим, историко-правовым, сравнительно-правовым, структурно-функциональным, социологическим, статистическим и др. Использование указанных методов дало возможность в полной мере обосновать необходимость реформирования судебной системы и органов предварительного расследования, сконструировать авторскую теоретическую модель механизма применения мер пресечения в уголовном процессе. Метод дедукции позволил определить сущность мер пресечения, их роль и значение в институте мер

процессуального принуждения, выявить критерии отграничения мер пресечения от иных мер процессуального принуждения. Благодаря системно-структурному методу были выделены знаковые элементы механизма применения мер пресечения. Путем анкетирования судей, прокуроров, следователей и адвокатов были получены необходимые данные по исследуемым вопросам. При этом для обработки эмпирического материала использовался статистический метод. С помощью юрико-технического метода анализировались нормы уголовно-процессуального законодательства, регламентирующие порядок избрания мер пресечения. Сравнительно-правовой метод позволил выделить основные черты современного механизма применения мер пресечения. С использованием аналитического метода были установлены особенности применения норм процессуального права при решении вопроса о применении меры пресечения. Анализ судебной практики и других юридических документов дал возможность изучить судебно-правовые стандарты, применяемые при принятии решения об избрании меры пресечения. При помощи метода прогнозирования были обоснованы выводы и предложения о реформировании судебной системы, органов предварительного расследования, переход к состязательному типу уголовного процесса. В настоящей работе уголовно-процессуальные явления исследованы во взаимосвязи, историческом развитии, с учетом единства и конкуренции сложившихся научных воззрений. Историческое исследование служило для выявления закономерностей развития мер пресечения, их соотношения с уголовной ответственностью и наказанием и не носило описательного характера.

Нормативную базу исследования составили Конституция РФ, международно-правовые акты, федеральные конституционные законы, уголовное, уголовно-процессуальное и иное действующее федеральное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство ряда зарубежных стран, акты Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ и Европейского Суда по проблемным вопросам, связанным с темой диссертационного исследования.

Эмпирической базой исследования являются:

- результаты анкетирования 63 судей, 78 прокуроров, 193 следователей и дознавателей, а также 82 адвокатов;

- 125 кассационных определений Верховного Суда РФ и 68 надзорных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ, вынесенных в 2009-2019 гг. и размещенных на официальном сайте Верховного Суда РФ;

- 212 кассационных определений, апелляционных постановлений и определений Московского городского суда; апелляционных постановлений Свердловского, Тверского, Нижегородского, Липецкого, Самарского, Ростовского областных судов, Краснодарского и Приморского краевых судов, Верховного суда Удмуртской Республики, Суда апелляционной инстанции по уголовным делам Верховного суда Республики Дагестан, Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики; постановлений Ленинского, Орджоникидзевского, Железнодорожного, Октябрьского, Верх-Исетского, Чкаловского районных судов г. Екатеринбурга;

- 237 материалов уголовных дел;

- статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции, опубликованные на официальных сайтах Верховного Суда РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Сбор эмпирического материала осуществлялся в Приволжском, Северо-Кавказском, Уральском, Центральном, Южном федеральном округах в период с 2013 по 2019 гг.

Теоретической основой исследования являются научные работы ученых-процессуалистов, связанные с механизмом применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве. Также в процессе исследования применялись результаты, относящиеся к теме диссертации и полученные в следующих отраслях юридических наук: теория государства и права, уголовное право, теория оперативно-розыскной деятельности и других.

Научная новизна исследования заключается в разработке и обосновании концептуально новой теоретической модели механизма применения мер

пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства, реформирования предварительного расследования и структурного преобразования уголовного судопроизводства в целом.

Предложена и обоснована новая трактовка понятия универсальной цели применения мер пресечения, проведен пересмотр понятийного аппарата, объясняющего правовую природу механизма применения мер пресечения.

Концептуальное отличие и новизна авторского подхода состоит также в понимании системной связи механизма применения мер пресечения с типом уголовного процесса, уголовно-процессуальной политикой, уголовной политикой государства в целом, господствующей правовой доктриной, государственным строем и организацией ветвей власти. Раскрыта и обоснована взаимосвязь механизма применения мер пресечения с институтом обвинения и институтом уголовно-процессуального доказывания.

В ходе проведенного исследования диссертантом впервые предложен системный подход к изменению основных элементов и условий, определяющих правовую организацию применения мер пресечения. Реорганизация механизма применения мер пресечения увязана: с переходом на стандарты применения мер пресечения состязательного типа уголовного процесса, состязательную технологию формирования доказательств; с организацией деятельности правоохранительных органов в форме полицейского дознания; введением искового порядка приведения в действие судебного механизма применения мер пресечения; наделением прокурора исключительным полномочием искового правопритязания на применение мер пресечения; введением института следственных судей и наделением следственных судей дискреционной властью на применение мер пресечения в ходе досудебного производства; с возможностью комбинирования нескольких мер пресечения и применения их с согласия обвиняемого и без его согласия.

Научная новизна результатов диссертационного исследования нашла отражение **в основных положениях, выносимых на защиту:**

1. Меры пресечения – это самостоятельный институт государственно-правового принуждения, который составляет единое целое с общей правовой организацией противодействия преступности, оказываемого государством. Общая правовая организация антикриминальной деятельности государства воплощена в механизме выработки и принятия решений о применении норм уголовного и уголовно-процессуального закона, включая установление основания для правоприменительного акта. В этот механизм встроены и механизмы применения мер пресечения, который находится в системной связи не только с другими элементами системы противодействия преступности, но и вообще с типом уголовного процесса, с уголовно-процессуальной политикой и уголовной политикой государства в целом, с господствующей правовой доктриной, с формой государственного устройства и внутригосударственной организацией ветвей власти.

2. Соотношение института наказания (его исполнения) и института мер пресечения выводится из постулатов о процессуальности механизма правоприменения, процедурности оснований правоприменения и отрицания «материального детерминизма». Прямую родственную связь уголовное наказание и процессуальное пресечение сохраняют только при автократии, где власть на применение насилия монополизирована. В правовом государстве, где власть разделена, происходит дифференциация механизмов государственно-правового принуждения, в результате чего прямой родственной связи между уголовным наказанием и процессуальным принуждением не сохраняется, и в процессе реализации каждый из этих видов принуждения имеет свои собственные, конкретные цели. В этом есть принципиальное разграничение мер уголовно-правовой ответственности преступника и мер уголовно-процессуального пресечения обвиняемого, вина которого ещё не установлена.

3. Надлежащее поведение – это внешнее проявление свободной воли человека, ограниченной его моральными установками, которые являются внутренним регулятором – ограничителем самого человека. Меры пресечения являются внешним воздействием – внешним ограничителем. Внешнее воздействие на волю человека

невозможно в принципе. Возможно подчинить власти других физическую и вообще внешнюю сторону человека, но свободная воля сама по себе не может быть принуждена. При применении меры пресечения подменяется внутренний ограничитель свободной воли обвиняемого (подозреваемого) – мораль, внешним ограничителем физической свободы (свободы действий) – мерой пресечения, и тем самым лишь симулируется надлежащее поведение, но не гарантируется, не обеспечивается оно. Поскольку меры пресечения не обеспечивают надлежащее поведение, его обеспечение не может выступать в качестве цели их применения. Универсальной целью применения мер пресечения является ограничение физической свободы действий обвиняемого (подозреваемого), направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всём этапе производства по уголовному делу.

4. Сложившаяся ситуация в вопросе применения мер пресечения отражает системный кризис, порождаемый главным противоречием современного российского уголовно-процессуального права: между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Создание института судебного контроля за применением мер пресечения не было последовательным и не сопровождалось другими мерами по структурному преобразованию российского уголовного судопроизводства. Суд так и не превратился из номинального субъекта правоприменения в реальный, что свидетельствует об отсутствии качественного перехода властных полномочий к судебной власти от власти следственной при решении основных вопросов правоприменения. Необходимо становление самостоятельной и независимой судебной власти, и это ключевая задача. Ее решение предусматривает принципиальное изменение процессуальных отношений (в плане их формы и содержания) между властью обвинительной и властью судебной, более последовательную реализацию принципа разделения властей, создание полноценной системы сдержек и противовесов.

5. Существующий сегодня механизм применения мер пресечения является продуктом следственной правовой организации уголовно-процессуальной

деятельности и основан на том, что следователь применяет меры пресечения под контролем суда. Несмотря на общую тенденцию усиления судебной власти, окончательного освобождения ее от следственно-обвинительной направленности не произошло. Пороки современного механизма применения мер пресечения коренятся в следственном порядке привлечения к уголовной ответственности, следственном обвинении, следственном уголовно-процессуальном доказывании. Институт предъявления обвинения, институт протокола следственного действия объективно детерминируют форму и работу механизма превентивного судебного контроля. Несправедливость механизма применения мер пресечения, присущий ему «обвинительный уклон» предопределены следственным строем процесса, следственными стандартами принятия процессуальных решений.

6. Объективная историческая тенденция развития уголовно-процессуальных систем государств, принадлежащих к романо-германской правовой семье, такова: от частного-искового к инквизиционному (следственному), затем к смешанному типу, в котором судебные стадии реализуются в состязательной форме, и далее от смешанного типа – к состязательному (что иллюстрируется примером стран Латинской Америки). Эта объективная тенденция проявляется в перераспределении властных полномочий по применению мер пресечения в такой исторической последовательности: полиция → судебный следователь → прокурор → последующий судебный контроль за применением мер пресечения → превентивный судебный контроль → состязательный процессуальный механизм применения мер пресечения, реализуемый в том числе и через институт следственных судей. Однако в современном российском смешанном типе уголовного процесса перехода от верховенства следственной власти к верховенству власти судебной не произошло, в этом состоит причина конструктивного недостатка механизма применения мер пресечения. Ориентируясь на исторический опыт, допускаем возможность сознательного целенаправленного перехода от одного типа процесса к другому (в нашем случае – от смешанного к состязательному) и, соответственно, к иному типу правовой организации применения мер пресечения. Состязательная модель рассмотрения и разрешения

судом правового спора является лучшей гарантией справедливого применения мер пресечения.

7. Переход к состязательному типу уголовного процесса включает в себя отказ от следственной организации досудебного производства. Качественное преобразование судебного контроля за применением мер пресечения в состязательный судебный механизм применения мер пресечения возможно лишь в сочетании с проведением реформы досудебного производства. Нужно отказаться от следственного правового механизма применения уголовно-процессуальных норм, посредством которого реализуется уголовная ответственность. Предварительное расследование как следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств, а деятельность правоохранительных органов должна быть организована в форме полицейского дознания. Правовая организация механизма применения мер пресечения должна быть избавлена от давления следственных институтов и стать максимально состязательной.

8. Институт мер пресечения взаимосвязан с другими уголовно-процессуальными институтами (институтом обвинения и институтом уголовно-процессуального доказывания). Институциональное изменение механизма применения мер пресечения предполагает пересмотр порядка предъявления обвинения. Обвинение должно предъявляться в судебном порядке, и в суде оно должно быть доказано; это кардинально отразится на применении мер пресечения. Предъявление обвинения и применение меры пресечения должны рассматриваться исключительно судебным органом – следственным судьёй.

Качественные институциональные изменения в механизме применения мер пресечения связаны и с переменами в процедуре доказывания. Необходимо отказаться от следственной технологии уголовно-процессуального доказывания обоснованности подозрения и оснований применения меры пресечения. Способ формирования доказательств должен быть судебным, а не следственным. При этом обоснование своих доводов стороны должны предоставлять в суд сведения (фактические данные), которые не могут являться доказательствами до

исследования их в суде. И только после исследования в суде в состязательной процедуре через придание им процессуальной формы сведения (фактические данные) могут быть признаны доказательствами. Доказывание, производимое в судебном заседании с участием сторон, должно стать единственным уголовно-процессуальным способом доказывания обоснованности подозрения и оснований, с наличием которых закон связывает возможность прибегнуть к мерам пресечения.

9. Правовой стандарт представляет собой укоренившуюся в правосознании судей, прокуроров, адвокатов, других профессиональных участников правоприменительного процесса привычную схему выработки решений, в том числе и по вопросам применения мер пресечения. Значительная часть стандарта представляет собой когнитивную модель мышления правоприменителя (судьи). Это превращает правовые стандарты в «мягкое право», сила которого в убеждении, привычке, стереотипе.

Правовой стандарт является комплексной правовой конструкцией, включающей в себя не только национальный, но и международно-правовой компонент (общепризнанные международно-правовые нормы, принципы, судебные прецеденты, правовые обычаи и пр.).

О наличии стандарта свидетельствует то, насколько он стал реальным средством определения поведения судей и участников процесса применения мер пресечения. «Мягкое» средство правового регулирования позволяет судебной системе в сфере применения мер пресечения достигать единообразия, правовой определенности, причем с учетом самобытности национальной правовой системы.

10. Обосновываемая теоретическая модель механизма применения мер пресечения и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью, которая определяет состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса. При такой организации механизма применения мер пресечения достигается цель разделения исполнительной и судебной власти и создание независимого суда. Гарантией независимости судебной власти в лице судебного органа, уполномоченного на применение меры пресечения в ходе досудебного производства, является создание

в системе судов особого судебного органа – процессуальной фигуры следственного судьи, наделенного исключительными полномочиями на применение меры пресечения в ходе досудебного производства. Следственному судье необходимо отвести центральное место между субъектами обвинительной власти, с одной стороны, и стороной защиты, с другой, при решении вопроса о применении мер пресечения.

11. Обращение обвинительной власти к судебной с правопритязанием на применение к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения должно предъявляться путём подачи в суд уголовного иска. Уголовный иск обеспечивает состязательную плоскость рассмотрения возникающего спора в суде между стороной обвинения и стороной защиты. Сама судебная процедура принятия решения о применении меры пресечения должна проходить в порядке гл. 37 УПК РФ.

12. В уголовно-процессуальном отношении прокурор, представляющий в суде государство (его обвинительную власть), должен являться субъектом полномочия на обращение к судебному органу для решения вопроса о применении меры пресечения к преследуемому в уголовном порядке лицу (подозреваемому, обвиняемому). Это полномочие производно от общего полномочия обращаться за применением уголовного закона к лицу, совершившему преступление. Из права обвинять вытекает право обращаться к суду за применением к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения. Орган предварительного расследования – уголовного преследования – не должен самостоятельно вступать в процессуальные отношения с судебным органом по поводу применения мер пресечения. Его полномочия следует ограничить сбором и передачей материала (сведений, фактических данных), подтверждающего необходимость применения меры пресечения, прокурору, который обращается в суд с уголовным иском о применении меры пресечения к обвиняемому (подозреваемому). Базовое уголовно-процессуальное отношение между правоохранительными органами, судом и стороной защиты должно возникать по схеме: «полиция (следователь, дознаватель) → прокурор → следственный судья ↔ сторона защиты». Знак обоюдного

взаимодействия (\leftrightarrow), указанный между следственным судьёй и стороной защиты, обозначает, что сторона защиты, привлекаемая в суд на основании обращения прокурора, имеет право в суде выдвинуть свои требования. Этим знаком демонстрируется необходимое наличие равенства и состязательности сторон.

13. Не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения и, соответственно, возможность применения мер пресечения. Меры пресечения, которые применяются к подозреваемому (обвиняемому), никак не связаны с уголовной ответственностью и не служат ее реализации. Решения о применении мер пресечения как промежуточные процессуальные решения являются средством обеспечения уголовного преследования, а при рассмотрении уголовного дела судом – средством обеспечения правосудия и принятия правомерного окончательного решения по уголовному делу.

14. Правовое отношение, возникающее между органом уголовного преследования (полицией) и обвиняемым (подозреваемым), требует процессуальной охраны от рисков и угроз, порождаемых поведением преследуемого лица. Меры пресечения и выступают средством обеспечения развития этого отношения, инструментом, обеспечивающим реализацию этого отношения; ради него и развивается процесс. Основанием правоприменения – применения мер пресечения – выступает «процессуальное знание», т.е. знание, достоверность которого определена благодаря соблюдению правовых стандартов определённой законом процедуры.

15. Существует органическая связь между тем или иным типом уголовной политики, государственно-правовым устройством и правовой организацией применения закона, регулирующего применение мер пресечения. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного законодательства и механизм применения мер пресечения однотипны, т.е. основаны на одном принципе действия: или разделения властей и их процессуальных функций, или единства

следственно-судебной власти. Следственному и состязательному типу процесса соответствуют принципиально разные модели механизма применения мер пресечения. Эти модели коррелируют с двумя типами уголовной политики: состязательная – с гуманистической (либеральной) уголовной политикой правового государства, следственная – с репрессивной (карательной) уголовной политикой авторитарного (авторитарно-тоталитарного) государства.

16. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения в Российской Федерации, воплощенная в правовых стандартах применения законодательства, является отражением противоречивости современного российского уголовно-процессуального права: противоречия между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Противоречивость современной уголовно-процессуальной политики проявляется и в сочетании разных правовых стандартов применения мер пресечения как по уголовным делам различных категорий, так и в отношении обвиняемых (подозреваемых) различных категорий.

17. Следует закрепить в УПК РФ в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия и без согласия обвиняемого. При наличии согласия обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный орган должен иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

18. В УПК РФ необходимо предусмотреть возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. При этом по степени тяжести эти меры пресечения могут быть простыми или квалифицированными, то есть отягощенными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого или нет.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена принципиально новым подходом к решению ряда проблем, касающихся понимания

природы правового принуждения, взаимосвязи и различия наказания и мер пресечения, правовой организации досудебной правоприменительной деятельности, включая применение мер пресечения, формирования оснований для принятия решения о применении мер пресечения, а также созданием авторской теоретической модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному уголовному судопроизводству.

Практическая значимость диссертационного исследования состоит в выработке рекомендаций по устранению недостатков в существующем механизме применения мер пресечения, а также деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда по принятию решений о применении мер пресечения. Анализ результатов обобщения правоприменительной практики и разработанные в связи с этим рекомендации могут быть использованы при совершенствовании уголовно-процессуального законодательства с целью соблюдения стандартов справедливого судебного разбирательства при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения. Содержащиеся в диссертации выводы могут быть использованы в лекционных курсах, а также при составлении учебных программ и спецкурсов в образовательных организациях.

Степень достоверности полученных результатов исследования обеспечена применением широкого арсенала методов научного познания, составляющих методологическую основу диссертационной работы, анализом значительного объема научной литературы, действующего законодательства, статистических данных, следственной и судебной практики, а также иных эмпирических материалов, включая анкетирование судей, прокуроров, следователей, дознавателей и адвокатов (в период с января 2017 г. по январь 2019 г. опрошены 416 человек).

Апробация результатов исследования. Диссертация выполнена на кафедре уголовного процесса федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный юридический университет», где она прошла рецензирование, обсуждение и была рекомендована к защите.

Основные теоретические положения, выводы, рекомендации и предложения, изложенные в диссертации, отражены в 82 научных работах: в 2 монографиях, а также в 80 научных статьях общим объемом 55,65 п.л., из них 2 – в Web of Science Core Collection, 1 – в Web Of Science (ESCI), 37 – в рецензируемых научных журналах, входящих в перечень Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования РФ.

Итоговые положения работы и предложения автора докладывались и обсуждались на 28 международных научно-практических конференциях в период с 2012 года по 2019 год. Также итоговые положения работы и предложения соискателя докладывались и обсуждались на 15 всероссийских и межвузовских конференциях и других научных форумах с 2012 года по 2019 год.

Основные положения и выводы исследования внедрены в учебный процесс Казанского (Приволжского) федерального университета, Пермского государственного национального исследовательского университета, Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина, Ульяновского государственного университета, Уральского государственного юридического университета, Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), а также в практическую деятельность Верховного Суда Республики Татарстан, Ставропольского краевого суда, прокуратуры Самарской области.

Структура диссертации обусловлена объектом, предметом, целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих в себя девять параграфов, заключения, библиографического списка и приложений.

Основное содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цель и задачи, объект и предмет, показана степень научной разработанности темы, раскрываются методологическая, правовая, теоретическая и эмпирическая основы исследования, его научная новизна,

формулируются основные положения, выносимые на защиту, определяются теоретическая и практическая значимость работы, обосновывается достоверность результатов исследования, приводятся сведения о его апробации и внедрении результатов, сведения о структуре работы.

Первая глава **«Теоретико-методологические основы исследования механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве»** объединяет три параграфа. Первый параграф **«Сущностно-феноменологический (онтологический) анализ механизма применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве»** посвящен исследованию развития учения о мерах пресечения как о самостоятельном институте мер принуждения и механизма их применения. В качестве одного из оснований исследования было выбрано учение о принуждении как исходной категории для выстраивания любой концепции о мерах пресечения. Показано, что оправданность превентивного принуждения обоснована угрозой в виде противоправного поведения привлекаемого к уголовной ответственности лица. Изучение вопроса о критерии соразмерности применения мер пресечения показало необходимость поддержать мнение о том, что степень ограничения прав и свобод личности должна быть соразмерной тем целям уголовного судопроизводства, ради которых вводится данное ограничение.

Анализ развития института мер пресечения и механизма их применения в дореволюционный период позволил прийти к следующему: с введением в действие Свода законов Российской Империи 1832 г. можно говорить о мерах пресечения как об институте уголовного процесса и о возникновении системных знаний о них. Под влиянием реформы 1864 г. сформировались определенные научные взгляды на критерии отграничения мер пресечения от наказания: принятие мер пресечения только в случае крайней процессуальной необходимости и отказ от них в случае ее устранения; эти меры должны причинять как можно меньше стеснений и неприятностей обвиняемому, подвергаемому их действию. Именно в воззрениях представителей дореволюционной школы содержатся предпосылки для правильного понимания правового механизма применения мер пресечения. В них говорится о судебной деятельности, о судебном споре, о судопроизводстве как базовой

уголовно-процессуальной модели правоприменения. Задача мер пресечения (по УУС – мер обеспечения) – поставление обвиняемого в такое положение, при котором он мог бы легко быть представлен к следствию, суду или наказанию каждый раз, когда в этом имеется надобность.

Исследование развития института мер пресечения и механизма их применения в советский период позволило прийти к следующему заключению: учение о мерах пресечения развивалось в контексте коммунистической идеологии и марксистско-ленинского учения о государстве и праве; советская школа создала теорию механизма правового регулирования, в которой нашло отражение развернутое обоснование особой принудительности, характеризующей метод уголовно-процессуального права. Характерная черта советского учения – привязка проблематики института мер уголовно-процессуального принуждения к диалектической оппозиции методов убеждения / принуждения. Феномен процессуального принуждения (и пресекательности как крайней формы его проявления) выводился из публично-правовой природы уголовного судопроизводства, а также из приоритетности императивного метода в механизме уголовно-процессуального регулирования. В этот период было утрачено важнейшее из завоеваний дореволюционной мысли – приоритетное, исключительное полномочие суда на применение меры пресечения.

Исследования современного этапа развития учения о мерах пресечения и механизма их применения привели к заключению, что отсутствует единый подход в определении понятия назначения (цели) применения мер пресечения. Сделан вывод и об ошибочном понимании универсальной цели применения мер пресечения, что привело к необходимости обосновать тезис: меры пресечения не обеспечивают надлежащее поведение; а также дать авторское определение: универсальная цель применения мер пресечения – ограничение физической свободы действий подозреваемого, обвиняемого, направленное на пресечение его уклонения от следствия и суда на всём этапе производства по уголовному делу.

Исследование соотношения между институтом наказания и институтом мер пресечения позволило заключить, что это соотношение выводится из

процессуальности механизма правоприменения, процедурности оснований правоприменения и отрицания «материального детерминизма». Меры пресечения не являются наказанием. Назначение данного института – поддержание работы уголовно-правового механизма противодействия преступности. Меры пресечения направлены на пресечение и предупреждение попыток обвиняемого избежать привлечения к уголовной ответственности; призваны обеспечить эффективность расследования и судебного разбирательства, вынесение правомерного решения по уголовному делу. Результаты исследования также показали, что меры пресечения – это самостоятельный институт государственного принуждения; механизм их применения находится в прямой связи с другими элементами системы противодействия преступности, с господствующей правовой доктриной, с формой государственного устройства и внутригосударственной организацией ветвей власти.

Исследование существующего института судебного контроля за применением мер пресечения привело к заключению, что данный институт не оправдал возлагавшихся на него надежд. Создание этого института не было последовательным и не сопровождалось другими мерами по структурному преобразованию российского уголовного судопроизводства. Налицо системный кризис, порождаемый противоречием между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. В результате мы имеем весьма далекую от идеала модель – судебный контроль за применением мер пресечения в «оправе» следственного досудебного производства. Для создания справедливого, состязательного механизма применения мер пресечения необходимо изменить процессуальные отношения (в плане их формы и содержания) между властью обвинительной и властью судебной, осуществив разделение этих властей, добиться независимости суда, создать систему сдержек и противовесов, осуществить переход к состязательному типу уголовного процесса.

Во втором параграфе **«Детерминированность правовой организации применения мер пресечения типом уголовного процесса»** показано, что

базовыми, сущностными компонентами типа уголовного процесса являются его цель, задачи, метод, форма. Они выполняют системообразующую роль, выступая несущей конструкцией всего уголовного судопроизводства, выражают его сущность и образуют тип уголовного процесса. Организация мер уголовно-процессуального принуждения связана со всеми базовыми сущностными компонентами существующего типа уголовного процесса. Существуют два типа уголовного процесса, два способа уголовно-процессуальной организации применения норм уголовного закона: инквизиционный (следственный) и состязательный (обвинительный / исковой). Первый основан на доминировании «следственной власти», второй – на полновластии суда в принятии итоговых и ряда промежуточных решений по делу и разработке оснований для таковых. Существуют также смешанные разновидности процесса, каждая с индивидуальным набором правовых стандартов, которые отражают распределение полномочий между исполнительной и судебной властью в механизме правоприменения. Каждый тип имеет свою правовую организацию и свою систему правоотношений между участниками. Тип уголовного процесса представляется некой правовой оболочкой, объединяющей, структурирующей, организующей на принципиальном уровне правоприменение. Можно также сказать, что тип процесса обуславливает принцип систематизации его отдельных процедур в единое целое. Под влиянием типа процесса находится и правовая организация применения мер пресечения.

Исследование показало, что российский смешанный тип уголовного процесса по факту является следственным. Общая следственная правовая организация процесса форматирует весь правоприменительный процесс, детерминирует рамки процедуры применения мер пресечения в целом и в его досудебной части. Следственные институты (институт предъявления обвинения, институт протокола следственного действия, следственный порядок привлечения к уголовной ответственности, следственное уголовно-процессуальное доказывание) объективно детерминируют форму и работу механизма судебного контроля применения мер пресечения. При таком типе процесса обвинительный уклон и несправедливость механизма применения мер пресечения predetermined.

Результаты исследования вопроса о публично-правовой природе уголовного процесса позволили заключить, что правовая организация процессуальных отношений может строиться как императивно-правовым, так и диспозитивно-правовым методом при приоритете императивных начал, а правовая организация механизма применения мер пресечения в уголовном процессе может быть проникнута диспозитивностью, состязательностью и даже договорными элементами. В рамках исследования было предложено закрепить в УПК РФ в качестве мер пресечения, применяемых по решению судебного органа: залог, домашний арест, запрет определённых действий – с согласия обвиняемого и без его согласия. При согласии обвиняемого на применение требуемой обвинителем меры пресечения судебный орган должен иметь право принять решение о применении меры пресечения в особом порядке, предусмотренном главой 40 УПК РФ.

Исследование привело к выводу, что в состязательном процессе досудебное расследование, проводимое полицией, есть деятельность, которая не имеет юридико-процессуальных последствий, хотя может их породить – через судебную процедуру. Здесь судебная процедура становится единственным процессуальным элементом, служащим гарантией правильного разрешения правового спора и принятия решения, которым могут быть ограничены права и свободы человека. Причина конструктивного недостатка современного механизма применения мер пресечения состоит в том, что не произошло перехода от верховенства следственной власти к верховенству власти судебной. Для перехода к состязательному процессу следует заменить предварительное расследование как институт, который образует следственный тип уголовного процесса, а вместе с ним и правовой механизм (судебного контроля) применения мер пресечения, на заслуживающий внимания институт полицейского дознания. В результате таких изменений деятельность органов предварительного расследования следует осуществлять в форме полицейского дознания. Необходимо отказаться от следственного правового механизма применения уголовно-процессуальных норм, посредством которых реализуется уголовная ответственность. Предварительное расследование как следственную форму правоприменения следует заменить

системой судебных производств. В этом случае и механизм применения мер пресечения будет организован по-другому. Положительный опыт работы института полицейского дознания уже имеется. Данный институт эффективно действовал в России с судебной реформы 1864 г. до конца XIX в.

Обоснован тезис о том, что каждому типу уголовного процесса присуща своя технология доказывания, и сделано заключение, что влияние следственной правовой организации уголовно-процессуальной деятельности на принятие решений о применении мер пресечения проявилось в первую очередь и главным образом в технологии уголовно-процессуального доказывания – формировании оснований для этих решений. На основе результатов исследования сделан вывод о том, что система мер пресечения и система правовых стандартов их применения складывается также сообразно существующему типу уголовного процесса. Таким образом, тип процесса детерминирует правовой формат института мер пресечения и механизм их применения.

Поддержано мнение о том, что меры уголовно-процессуального принуждения должны быть не взаимоисключающими, а взаимодополняющими. Обосновано предложение регламентировать систему дополнительных ограничений и обязательств, обеспечивающих неуклонение от следствия и суда лица, не взятого под стражу, что будет способствовать росту эффективности применения мер пресечения, не связанных с лишением свободы, и снижению показателя применения самой строгой меры пресечения (содержания под стражей). Также предлагается закрепить в УПК РФ возможность комбинирования мер пресечения, применяемых по решению судебного органа, таких как залог, запрет определённых действий, домашний арест, с другими мерами пресечения в качестве альтернатив заключению под стражу. В этом случае залог, запрет определённых действий и домашний арест могут быть по степени тяжести простыми или квалифицированными – отягощёнными дополнительными ограничениями и (или) обязательствами для обвиняемого.

По результатам исследования показано, что имеющиеся в нашем правоведении предпосылки для положительных изменений, созданные русской

правовой мыслью на пике ее развития, пока не стали господствующими в современной правовой доктрине. Предложено уделить им более пристальное внимание и дополнить заложенные в этих учениях суждения. Выдвинут постулат: состязательная модель, ее правовая организация лучше, справедливее, эффективнее, чем следственная, и потому только она может служить формой применения мер пресечения.

Третий параграф **«Проблемы современной правовой организации формирования оснований и выработки решения о применении мер пресечения в уголовном процессе»** посвящен доказательствам и технологиям доказывания. Исследования привели к выводу, что определяющими параметрами модели доказывания являются: субъекты доказывания и система отношений между ними, предмет доказывания (способ его определения), средства доказывания, генезис доказательства (формирование его). Эти параметры существенно отличаются в следственном и состязательном процессах.

Анализ судебной процедуры доказывания в современном российском типе процесса свидетельствует о том, что судебное следствие не выступает главным методом установления тех обстоятельств, которые составляют предмет доказывания при принятии решения о применении меры пресечения. Доминирующим способом представления доказательств является обзрение, оглашение протоколов следственных и иных процессуальных действий, которые прилагаются к ходатайству о применении меры пресечения.

В рамках исследования темы параграфа рассмотрены такие понятия, как основания принятия решения об избрании меры пресечения и обоснованность подозрения, раскрыты их сущность и значение. Предложено разграничивать основания, предусмотренные ст. 97 УПК РФ, обстоятельства, предусмотренные ст. 99 УПК РФ, доказательства, подтверждающие те и другие, а также специальные основания применения мер пресечения, закрепленные в нормах УПК РФ, регламентирующих их конкретные виды.

Исследована проблема отсутствия судебного контроля за предварительной квалификацией вмененного обвиняемому состава преступления при решении

вопроса о применении мер пресечения, обоснован вывод, что такой судебный контроль необходим.

Рассмотрен вопрос о сущности средств доказывания (средствах доказывания), о характере информации, позволяющей правоприменителю убедиться в наличии обстоятельств, дающих основание для принятия решения о применении меры пресечения. Сделано заключение о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные с нарушением требований ст. 75, 89, а также ч. 1 ст. 108 УПК РФ, не могут служить обоснованием ходатайства о применении меры пресечения. В то же время, в контексте предложения о том, что досудебное производство должно проводиться в форме полицейского дознания, высказано суждение, что орган уголовного преследования в обоснование своего ходатайства о применении меры пресечения вправе представить в качестве сведений (фактических данных) результаты, полученные в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий; однако, чтобы данные результаты могли быть использованы для обоснования применения меры пресечения: во-первых, они должны быть исследованы и получить процессуальную форму доказательств в судебном заседании с участием сторон; во-вторых, сторона защиты должна иметь возможность полностью ознакомиться с ними и дать по ним свои комментарии.

Изучено существующее мнение о вероятностном характере выводов относительно «упречного» поведения обвиняемого. Результаты исследования привели к выводу, что согласно положениям ст. 73–89 УПК РФ наиболее убедительными для суда являются доказательства, отвечающие всем требованиям закона, полученные из источников, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Этим же выводом опровергаются существующие суждения о допустимости вероятностных доказательств, основанных на предположении.

Исследование вопроса о том, что классическая теория уголовно-процессуальных доказательств выстраивает прямую линию между уголовно-процессуальной формой и формированием доказательств, привело к заключению, что институт протоколов следственных действий имеет системообразующее

значение для российского доказательственного права. При такой организации процесса доказывания суд становится «придатком» к органу предварительного расследования. Более мягкий вариант – судебно-следственные органы совместно проводят доказывание по уголовному делу, устанавливают основания для применения мер пресечения, но это исключает критический подход суда к утверждениям, формулируемым в ходатайстве органа предварительного расследования, и средствам их обоснования; не срабатывает элемент системы сдержек и противовесов, что говорит об отсутствии независимого от следствия суда.

Исследование вопроса взаимосвязи между институтом мер пресечения, институтом уголовно-процессуального доказывания и институтом обвинения привело к заключению: следователь как субъект стороны обвинения не должен формировать для суда готовые уголовно-процессуальные доказательства, уголовно-процессуальное доказывание должно осуществляться в рамках судебной процедуры. Только в судебной процедуре сведения, представленные сторонами, должны приобретать процессуальную форму, что влечет их качественное изменение: они становятся доказательствами. Предпочтительной видится состязательная информационно-коммуникативная модель, основанная не на содержании протоколов следственных действий, а на диалоге участников судебной процедуры, в процессе которой формируется внутреннее убеждение судьи о необходимости применения меры пресечения или об отказе в ее применении.

Поскольку следственный институт обвинения объективно детерминирует форму и работу механизма превентивного судебного контроля, обоснована необходимость изменить порядок предъявления обвинения. Процедура предъявления обвинения должна быть судебной, что существенно отразится на уровне доказанности обоснованности решений о применении мер пресечения. Указанные конструктивные изменения позволят создать состязательную судебную процедуру формирования доказательств и производство доказывания в механизме применения мер пресечения по модели справедливого судебного разбирательства.

Вторая глава «Общая характеристика механизма применения мер пресечения в уголовном процессе» объединяет три параграфа. В первом параграфе **«Понятие и система правовых стандартов применения мер пресечения в уголовном процессе»** исследован вопрос о значении правовых стандартов, проведен анализ того, что следует понимать под правовыми стандартами применения мер пресечения. Сделан вывод о том, что правовые стандарты имеют системообразующее значение для организации работы уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения в той мере, в какой они вошли в судебную практику и стали частью правосознания наших судей. Правовой стандарт – это бесспорное, не требующее разъяснений и доказательств правовое положение; это средство приведения поведения правоприменителя к некому единому знаменателю, «мягкое» средство правовой регуляции, позволяющее судебной системе достигать состояния устойчивости, единообразия, способствующего правовой определенности в сфере применения мер пресечения, причем с учетом нюансов, особенностей национальной правовой системы.

Анализ соотношения принципов права, норм права и их влияния на правовые стандарты позволил прийти к заключению, что правовые стандарты представляют собой нечто среднее между принципом, общим условием деятельности, с одной стороны, и нормой права – с другой. Исходя из авторской трактовки понятия принципа как осознанного мировоззренческого закреплённого правовыми нормами установления как должно быть в конкретном типе уголовного процесса, сделан вывод, что в каждом типе уголовного процесса устанавливается свой мировоззренческий правовой стандарт, определяющий поведение его участников.

Обоснован тезис о том, что правовой стандарт представляет собой комплексную правовую конструкцию, включающую в себя не только национальный, но и международно-правовой компонент (общепризнанные международно-правовые нормы, принципы, судебные прецеденты, правовые обычаи и пр.). Результаты исследования вопроса о правовом стандарте и его международно-правовой модификации привели к заключению, что в формировании правовых стандартов применения мер пресечения должны

участвовать не только национальные судебные органы, но и международные суды. В то же время отмечено, что согласно позиции Пленума Верховного Суда РФ (постановление от 27 июня 2013 г. № 21), положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней (в интерпретациях ЕСПЧ в виде судебных прецедентов), равно как и иные общепризнанные международные нормы и принципы международного права, образуют правовые стандарты применения мер пресечения в уголовном процессе только в той мере, в какой они не входят в противоречие с правовой системой России и не аннулированы специальными решениями Конституционного Суда РФ.

В ходе определения сущности судебного-правового стандарта было установлено, что это правило, выведенное судом (правоприменителем) из смысла нормы (системы норм) закона с участием сторон и на основании правовых предписаний более фундаментального уровня, например постановлений Пленума Верховного Суда РФ, положения которых подлежат обязательному соблюдению. Сделан вывод, что правовой (судебно-правовой) стандарт – это устойчивый смысл закона, получивший закрепление и развитие в судебной практике, ставший реальностью правоприменения. Это есть элемент «реального Права» (а не только «закона» или «системы правовых норм»).

Исследование правовых стандартов, оказывающих влияние на применение мер пресечения в судебной процедуре, к которым относятся: стандарт независимости судебных органов; стандарт справедливого судебного разбирательства; стандарт состязательности; стандарт равенства сторон; стандарт законности; стандарт определения судом срока содержания под стражей; стандарт разумного срока применения меры пресечения; стандарт обоснованности применения мер пресечения; стандарт о запрете входить в обсуждение вопроса о виновности лица в инкриминируемом ему преступлении и стандарт об обязанности установления обоснованности подозрения в совершении преступления, позволило прийти к выводу, что их реализация в полной мере возможна при тех же условиях, что и реализация обосновываемого механизма применения мер пресечения. А для этого необходим переход к состязательному типу уголовного судопроизводства,

при котором исследованные нами правовые стандарты и их соблюдение должны быть неотъемлемой содержательной частью обосновываемого нами механизма.

Во втором параграфе **«Проблемы правовой организации участия в применении мер пресечения лиц, заинтересованных в исходе этой процедуры правоприменения»** был осуществлен анализ субъективного элемента механизма применения мер пресечения в современном уголовном процессе, т. е. тех участников данной процедуры, права и законные интересы которых при этом непосредственно затрагиваются, и которые не имеют властных полномочий (подозреваемый, обвиняемый, защитник, потерпевший). Повышенное внимание уделено наиболее актуальным и дискуссионным моментам, прежде всего в контексте обеспечения прав обвиняемых (подозреваемых) при применении в отношении них меры пресечения в виде заключения под стражу. В ходе исследования вопроса о возможности реализации заочного ареста сделан вывод, что при отсутствии обвиняемого (подозреваемого) в суде по уважительным причинам заочный арест к нему применить нельзя. Обоснованы возражения по вопросу о возможности расширения применения заочного ареста.

Исследование вопроса реализации права на защиту обвиняемым (подозреваемым) позволило выделить два основных момента. Первый – соблюдение справедливой и состязательной судебной процедуры, при которой реализуется право на своевременное ознакомление стороны защиты с материалами, обосновывающими необходимость применения меры пресечения. Сделан вывод: ознакомление стороны защиты с материалами судебного-контрольного дела соблюдается формально и граничит с профанацией. Второй момент – участие защитника, оказывающего квалифицированную юридическую помощь обвиняемому (подозреваемому) при решении вопроса о применении мер пресечения. В рамках исследования установлено, что на практике большинство нарушений этого права происходят в случаях назначения защитника в порядке ст. 50 УПК РФ.

По вопросу обжалования решения суда первой инстанции об избрании меры пресечения обосновано предложение, согласно которому суд второй инстанции,

отменяя постановление нижестоящего суда об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или о продлении ее срока и направляя материал на новое рассмотрение, должен избирать более мягкую меру пресечения. Другим его решением может быть полная отмена меры пресечения, избранной судом первой инстанции, если отсутствуют основания её избрания. Если же освобождение обвиняемого из-под стражи по убеждению суда невозможно до нового рассмотрения в суде первой инстанции, то следует не отменять судебное решение, а изменять – снижая срок содержания под стражей с нескольких месяцев до минимального предела, достаточного для нового рассмотрения.

Анализ вопроса о длительности сроков предварительного расследования уголовных дел, затрагивающих права обвиняемых и подсудимых, в отношении которых применяются меры пресечения в виде заключения под стражу, привел к выводу, что обвиняемые остаются под стражей столько, сколько необходимо органам предварительного расследования. Ежегодно судами удовлетворяется в среднем 90,3 % ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу и до 98,1 % – о продлении срока содержания обвиняемых под стражей. Не является исключением и продление срока содержания под стражей (домашнего ареста) свыше предельного 18-месячного срока в связи с ознакомлением обвиняемого с материалами законченного производством уголовного дела.

Отдельно отмечены ситуации, которые также традиционно сопровождаются затягиванием сроков нахождения под стражей (домашним арестом) обвиняемых. Первая – когда уголовное дело возвращается органу расследования прокурором, вторая – когда уголовное дело возвращается прокурору судом в связи с выявившейся необходимостью предъявления более тяжкого обвинения. А это порождает необходимость восполнения неполноты предварительного расследования и продления срока содержания под стражей. Проблема длительных сроков применения меры пресечения в виде содержания под стражей не решается и с передачей уголовного дела в суд.

Исследование также показало, что установленный ч. 4 ст. 108 УПК РФ порядок рассмотрения судом ходатайства об избрании меры пресечения в виде

заклучения под стражу не исключает участие в судебном заседании потерпевшего, его представителя, законного представителя. Реализуя своё право на участие в уголовном преследовании, потерпевший может использовать и процедуру, регламентированную ст. 108 УПК РФ. Данный подход соответствует тому механизму применения мер пресечения, который обосновывается в настоящей работе.

В третьем параграфе **«Понятие и сущность механизма применения мер пресечения в уголовном процессе»** определены сущностная конструкция элементов и условий работы обосновываемого механизма применения мер пресечения, его понятие и назначение. Даны пояснения в отношении выбора терминов «применение» мер пресечения и «механизм» применения мер пресечения. Термин «применение» предполагает как избрание, так и не избрание судом требуемой стороной обвинения меры пресечения, в таком содержательном понимании данный термин является наиболее рациональным и в полной мере подходит для обосновываемого механизма применения мер пресечения. Юрико-технический подход для нового понимания смысла термина «механизм» дан в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48. Это позволило использовать термин «механизм» в контексте, отраженном в названном постановлении, наполняя его необходимым комплексным содержанием в понятии «механизм применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве» в отношении всех лиц, чьи права и свободы могут быть ограничены мерами пресечения, применяемыми по судебному решению.

В процессе анализа работы механизма применения мер пресечения сделаны следующие выводы. Не факт совершения преступления, а процессуальный факт – соответствующее уведомление о подозрении в совершении преступления или постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого – порождает уголовно-процессуальные отношения между правоохрательными органами и подозреваемым (обвиняемым), которые осуществляются посредством уголовного судопроизводства. Пока ведется уголовное судопроизводство, к подозреваемому (обвиняемому) может быть применена мера пресечения, не направленная на

реализацию уголовной ответственности. Решения о применении мер пресечения как промежуточные процессуальные решения являются средством обеспечения уголовного преследования, а при рассмотрении уголовного дела судом – средством обеспечения правосудия и принятия правомерного окончательного решения по уголовному делу.

Рассмотрение традиционного представления о государстве как о «мета-субъекте» во всех публично-правовых и уголовно-процессуальных отношениях и существующего на этой основе единения следственной, прокурорской и судебной власти позволило обосновать вывод о том, что принцип разделения властей должен определять сущность обосновываемого механизма применения мер пресечения. При реализации указанного принципа достигается независимость суда – фундаментальное положение, «несущая конструкция правового государства», которая позволяет государству осуществлять воздействие исключительно в рамках права. Именно в этом случае и может реализоваться принцип верховенства права.

Реализации принципа независимости судебной власти будет способствовать введение в отечественный уголовный процесс института следственных судей. Введение этого института в том виде и с тем объемом полномочий, которые предложены автором, станет одним из шагов к созданию качественно новой модели судебного уголовно-процессуального механизма принятия решения о применении мер пресечения. Сама судебная процедура, в которой решается вопрос о применении меры пресечения, должна проходить по правилам гл. 37 УПК РФ.

Анализ отношений между прокурором и следственным органом, нормативных актов и статистических данных привел к выводу, что прокурор должен выступать единственным субъектом правопритязания на применение меры пресечения. Базовое уголовно-процессуальное отношение должно возникать по схеме: «полиция (следователь, дознаватель) → прокурор → следственный судья ↔ сторона защиты». Знак обоюдного взаимодействия (↔) между следственным судьёй и стороной защиты обозначает, что сторона защиты имеет право выдвинуть в суде свои требования, в частности об избрании иной меры пресечения, более

мягкой; этим знаком демонстрируется наличие равенства и состязательности, которые должны быть обязательными.

Для реализации принципа состязательности и равенства сторон обоснована необходимость введения конструкции уголовного иска как элемента состязательного механизма применения мер пресечения. Уголовный иск, выдвинутый в суде, приводит в движение состязательный механизм применения мер пресечения, равно как и состязательный процесс в целом. Это обусловлено тем, что имеется прямая взаимосвязь между состязательным процессом и реализуемым в его рамках состязательным механизмом применения мер пресечения. На основе результатов исследования были определены элементы и условия, определяющие основу для создания и работы этого механизма.

Элементами являются: а) правовые стандарты (справедливого судебного разбирательства, равенства сторон, состязательности сторон, законности и т. д.); б) обоснованность подозрения; в) уголовный иск (судебно-исковой способ приведения в действие механизма применения мер пресечения); г) правовое положение участников судебной процедуры применения мер пресечения (обязательность участия); д) формирование доказательств (опора техники доказывания на предоставлении сторонами сведений (фактических данных), которые могут стать доказательствами только после исследования их в суде и придания им процессуальной формы); е) основания принятия решения; ж) право суда применять одновременно несколько мер пресечения с целью выбора оптимального варианта и достижения эффективности применения мер пресечения при соблюдении баланса публичного и частного интересов.

К условиям относятся: а) независимость суда (причём должна соблюдаться как объективная, так и субъективная независимость суда, основанная на принципе разделения исполнительной и судебной власти и введении нового института – следственных судей); б) верховенство права; в) переход на состязательный тип уголовного процесса; г) выведение деятельности сторон обвинения и защиты за рамки процессуальной деятельности (следственную форму правоприменения следует заменить системой судебных производств, деятельность

правоохранительных органов должна осуществляться в форме полицейского дознания), при которой стороны могут собирать и предоставлять в суд сведения (фактические данные), которые изначально не могут представлять собой готовые процессуальные доказательства; д) прокурор должен являться единственным субъектом правопритязания – искового требования о применении к обвиняемому, подозреваемому меры пресечения; е) необходим переход на судебную модель предъявления обвинения и применения мер пресечения; ж) при решении вопроса о применении меры пресечения следственным судьей должен осуществляться контроль квалификации предъявленного обвинения с целью недопущения квалификации «с запасом»; з) процедура рассмотрения вопроса о применении мер пресечения должна проходить в порядке гл. 37 УПК РФ (единственным основанием изменения указанного порядка судебной процедуры может быть только согласие обвиняемого на применение к нему предлагаемой органом обвинения меры пресечения, тогда решение может быть принято в особом порядке, предусмотренном гл. 40 УПК РФ).

При таких условиях, с такой организацией и с такими элементами в своём содержании обосновываемый механизм применения мер пресечения и есть система сдержек и противовесов между обвинительной и судебной властью, которая определяет состязательную правовую организацию деятельности всех участников правоприменительного процесса. Данный механизм принципиально отличается от существующего сегодня судебного контроля за применением мер пресечения.

Третья глава **«Перспективы концептуальной перестройки уголовно-процессуального механизма применения мер пресечения в контексте новой уголовной политики Российской Федерации»**. В первом параграфе **«Исходное определение механизма применения мер пресечения в составе современной уголовной политики»** отправной точкой исследования является тезис о необходимости коренной реформы отечественного уголовного судопроизводства как решающего условия для преобразований института мер пресечения и правового механизма их применения. Это реформирование невозможно в отрыве и

без учёта современной уголовной политики, так как право и политика – явления органически связанные.

При исследовании вопроса, что есть вообще уголовная политика как общая категория, сделано следующее заключение: уголовная политика является частью внутренней и внешней политики государства и представляет собой генеральную линию, стратегию, доминирующее направление деятельности государства по противодействию преступности и ее контролю. Анализ вопроса о типах уголовной политики привел к заключению, что в зависимости от типа политической организации общества можно выделить две основные модели уголовной политики – репрессивную (карательную) и гуманистическую (либеральную). Есть объективная взаимосвязь между типом уголовной политики, правовой организацией уголовного процесса (и прежде всего досудебного производства) и политикой применения мер пресечения. Определённому типу уголовной политики соответствует и определённый тип уголовного процесса, который детерминирует организацию правового механизма применения мер пресечения. Уголовно-процессуальный механизм применения уголовного законодательства и механизм применения мер пресечения однотипны, т. е. основаны на одном принципе действия: или разделения властей и их процессуальных функций (что соответствует гуманистическому типу уголовной политики), или единства следственно-судебной власти (что соответствует репрессивному типу). Таким образом, существующая уголовная политика определяет доктрину и идеологию, которые оказывают влияние и на современный уголовно-процессуальный механизм применения мер пресечения.

Сделан вывод, что смена форм государственного управления и как результат – смена типов уголовной политики и влияние этих изменений на механизм применения мер пресечения свидетельствуют о прямой взаимосвязи между уголовной политикой, уголовно-процессуальной политикой и политикой применения мер уголовно-процессуального принуждения (пресечения). Принуждение как таковое и формы его реализации определяют существо метода уголовной политики, а значит и существо ее как таковой. По вопросу о

соотношении уголовно-процессуальной и уголовной политики сделан вывод, что уголовно-процессуальная политика – это определённая линия развития соответствующего законодательства и выработки правовых стандартов применения мер пресечения и иных мер уголовно-процессуального принуждения по уголовным делам. Уголовно-процессуальная политика является составной частью уголовной политики.

Анализ вопроса о том, что применение правоограничительных мер не может осуществляться отдельно от главной организационно-правовой и стратегической направляющей идеи, определяющей развитие уголовной политики, – принципов уголовной политики, привел к выводу, что в основе института уголовно-процессуального принуждения, уголовно-процессуальных мер пресечения должны лежать принципы уголовной политики, которые определяют стратегию противодействия преступности. Конкретизацией этих положений являются принципы уголовно-процессуального права, составляющие основу любого процессуального института, в том числе института мер пресечения. Между принципами уголовной политики и принципами уголовно-процессуального права есть прямая взаимосвязь.

Из анализа современного периода развития российской уголовной политики следует, что она непоследовательна, не имеет стратегического начала, что свидетельствует о неустойчивости её курса. Отмечено, что тем не менее есть положительные моменты, реализуемые в рамках современной уголовной политики; к ним можно отнести тенденции проникновения частного начала и диспозитивного метода правового регулирования в уголовно-правовую сферу. Но это лишь тактические элементы уголовной политики; они не являются результатом стратегического курса, направленного на достижение конкретных целей – качественного реформирования. Совершая тактические действия, надо знать стратегическую цель, ради которой они совершаются. А для этого необходимо формирование уголовной политики, которая должна стать основополагающей «направляющей силой» для последующих позитивных реформ.

Во втором параграфе **«Характеристика современной уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения: основные тенденции и их воплощение в механизме правоприменения»** проведен анализ современных тенденций уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения, реализуемых в механизме правоприменения, и выявлена их разнонаправленность. Установлено, что одна из этих тенденций проявила себя в вопросе о международно-правовом элементе в механизме правового регулирования применения мер пресечения. За Конституционным Судом РФ были закреплены полномочия по разрешению вопроса о возможности исполнения решения межгосударственного органа по защите прав и свобод человека. Итогом является то, что в России состоялся правовой режим, при котором имеется приоритет национальной составляющей по отношению к международной.

Вместе с тем можно наблюдать процесс ужесточения уголовной ответственности по отдельным категориям дел. В частности, за преступления экстремистской направленности (ч. 1 ст. 280, ч. 1 ст. 282, ч. 2 ст. 282.1 и ст. 282.2 УК РФ): путем перевода их из категории преступлений небольшой тяжести в категорию преступлений средней тяжести и тяжких преступлений и, как следствие, возникновение тенденции, направленной на усиление репрессивности применения мер пресечения. Показано, что особое внимание обращает на себя тенденция дифференциации уголовно-процессуального механизма применения меры пресечения судом по социально-экономическому критерию и создание уголовно-процессуального производства по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. В результате в рамках института применения мер пресечения фактически возникает специальный правовой режим в отношении предпринимателей.

Результаты исследования данного правового режима привели к выводу, что первым и самым решительным шагом законодателя по введению указанного специального правового режима для предпринимателей стало введение прямого запрета на заключение под стражу обвиняемых в совершении ряда преступлений в виде ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ (№ 383-ФЗ от 29.12.2009 г.). Норма, содержащаяся

в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ, является специальной по отношению к нормам ст.ст. 97, 99 УПК РФ и к ч. 1 ст. 108 УПК РФ. С её введением правовой режим применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях экономической направленности существенно изменился. Анализ позиций Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по исследуемому вопросу позволил заключить, что концептуально позиция законодателя и судебной власти определилась следующим образом: в качестве мер пресечения в отношении обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности против собственности могут применяться залог, домашний арест, а также другие меры пресечения за исключением заключения под стражу. Мера пресечения в виде заключения под стражу по данной категории уголовных дел должна избираться в виде исключения, оговоренного в ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ. С этого момента с полной определенностью можно говорить о том, что в нашей стране появилось уникальное правовое явление – особая уголовная политика противодействия экономической преступности. По результатам исследования отмечается, что в судебной практике по указанной категории дел при решении вопроса о применении меры пресечения сформировался особый правовой стандарт проверки судом обоснованности подозрения. Данный стандарт отличает необходимость исследования отдельных элементов объективной стороны состава преступления в сфере предпринимательской деятельности, то есть их досрочное установление по существу.

Анализ постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности», ст.ст. 108 и 109 УПК РФ позволил сделать вывод, что в рамках общей концепции гуманизации уголовной политики в целях предотвращения возможных злоупотреблений со стороны должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, установлены дополнительные материально-правовые и процессуальные гарантии обеспечения прав и законных интересов предпринимателей, привлекаемых в

качестве подозреваемых или обвиняемых по уголовным делам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. При этом в отношении остальных граждан в вопросе применения мер пресечения подобных коренных изменений не происходит. В результате в сегменте рассматриваемого правового института мер пресечения оказались смешанными различные нормы: одни адресованы обвиняемым-предпринимателям, другие – всем остальным обвиняемым, причастным к общеуголовной преступности.

Проведённый анализ позволил сделать вывод, что проводимая такого рода уголовно-процессуальная политика, с одной стороны, нарушает конституционный принцип равенства всех перед законом и судом и подрывает правовые основы государства как гаранта правового равенства граждан, но с другой – она направлена на борьбу со злоупотреблениями, совершаемыми должностными лицами правоохранительных органов в отношении предпринимателей. В результате борьба со злоупотреблениями в защиту одних осуществляется за счёт осознанного нарушения правового равенства и в итоге возникающего правового неравенства других. В правовом государстве подобных явлений происходить не должно. Подобная противоречивость современной уголовно-процессуальной политики свидетельствует об отсутствии чёткого стратегического курса и отражает противоречия современного российского уголовно-процессуального права: противоречия между следственной моделью, лежащей в основе правовой организации досудебного производства, и собственно судопроизводством. Такая противоречивость проявляется и в сочетании разных правовых стандартов применения мер пресечения как по уголовным делам различных категорий, так и в отношении обвиняемых (подозреваемых) различных категорий. Положительно оценивая предпринимаемые усилия Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ по вопросам регулирования применения мер пресечения, автор отмечает, что в рамках реализуемой уголовно-процессуальной политики данных усилий недостаточно.

На основе результатов исследования делается вывод, что следует применять не единичные тактические меры, направленные на попытку решить

обозначившуюся проблему, а менять всю стратегию проводимой уголовно-процессуальной политики, делать упор на реформы, направленные на создание нового механизма применения мер пресечения по уголовным делам.

В третьем параграфе **«Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства»** отмечается необходимость конструктивных и комплексных преобразований в уголовно-процессуальной системе, под которыми следует понимать целый ряд одновременно проводимых реформ, направленных на организационные и законодательные изменения (введение новых институтов, таких как институт следственных судей, полицейское дознание, процедура предъявления обвинения в суде и др.). Суть этих изменений можно определить как переход к состязательному типу уголовного процесса. Решающим шагом при таком переходе должна стать реформа предварительного расследования. С этой реформой следует связывать и изменение политики применения государственного принуждения по уголовным делам.

Анализ позиций сторонников следственного типа уголовного процесса по вопросу реформирования института предварительного расследования позволил выделить несколько основных подходов. Первый подход – сохранить разделение следователей и оперативников на различные ведомства как продолжение процесса выделения Следственного комитета из органов прокуратуры и укрепления следственной власти. Второй подход – создание единого следственного органа, т. е. следственный аппарат должен находиться в одном ведомстве (СК РФ), которое подчиняется только Президенту России. В результате следственный орган становится главой правоохранительной системы, уполномоченной на противодействие преступности уголовно-правовыми средствами. Третий подход – усиление роли следователя посредством наделения его судебными полномочиями. Сделан вывод, что все предложения сводятся к обычным перестановкам и перераспределению властных полномочий внутри самих правоохранительных органов. Это не то реформирование, которое необходимо для положительных перемен.

В ходе исследования теоретической перспективы принципиально иного рода правовой организации досудебного производства, основанной на идее о необходимости четкого разделения полицейской, прокурорской и судебной функций, сделан вывод об актуальности прогрессивных предложений. Превращение предварительного расследования в полицейское дознание, изменение процедуры предъявления обвинения на судебную кардинально отразится на решении вопроса о применении мер пресечения.

Анализ предложений о разработке нового УПК РФ, о чем говорилось на парламентских слушаниях 20 декабря 2016 г. по поводу 15-летия принятия УПК РФ, позволяет сделать вывод, что создание нового УПК РФ без проведения реформ, о которых, в частности, идет речь в настоящей работе, не приведёт к качественным структурным изменениям. Изучение подготовленного по заказу Центра стратегических разработок документа «Уголовная политика: дорожная карта развития на период 2017–2025 гг.» позволило прийти к выводу, что ничего принципиально нового эксперты Центра не предложили. Выдвигаемые ими инициативы в основном сводятся опять же к изменениям УПК РФ и тем предложениям, которые уже выдвигались, например, о возможном изменении уголовной политики. Необходимо говорить не о возможном изменении уголовной политики, а об обязательном её изменении. Эффективных реформ не будет, если не будет того главного стратегического пути и той главной идеологической воли, коими в этом случае и будет выступать уголовная политика. Необходимо менять не отдельные положения УПК РФ, а проводить в жизнь важные стратегические реформы всего уголовного судопроизводства, включая механизм применения мер принуждения по уголовным делам.

Исследовав предложения, изложенные в документе «Среднесрочная программа социально-экономического развития страны до 2025 года “Стратегия Роста”», разработанном «Столыпинским клубом» в рамках поручения Президента РФ от 14 июля 2016 г. № Пр-1347, сделан вывод, что в разделе, посвященном судебной реформе, стратегического видения путей изменения существующей системы применения мер пресечения не имеется. Анализ проекта

федерального закона «О внесении изменений в статью 108 УПК РФ», предложенного в 2018 году членом Совета Федерации Федерального Собрания РФ А. В. Кутеповым и направленного на расширение случаев запрета применения ареста, позволил заключить, что обозначенные в нём положения не имеют практических перспектив. В ходе рассмотрения позиций участников круглого стола «Совершенствование механизма избрания и продления заключения под стражу, залога и иных мер пресечения» (18 июля 2019 г., Совет Федерации) в работе констатируется, что отмечается серьезная озабоченность сложившейся ситуацией по вопросу применения мер пресечения, но не предлагается никаких решений. В конечном итоге сделано заключение о том, что в ближайшее время принципиальных изменений в правовой организации применения мер пресечения по уголовным делам ожидать не приходится. Еще нет чётко обозначенных стратегических целей государства в уголовной и уголовно-процессуальной политике по реализации конкретных процессов модернизации всего уголовного судопроизводства. Однако наработка новых идей его реформирования не должна прекращаться. В конечном счете этот процесс рано или поздно приведёт к качественным изменениям научной парадигмы, а с ним и правовой доктрины. Тогда придет время и для практического применения обосновываемого нами механизма применения мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве.

В **заключении** сформулированы итоговые выводы, совокупность которых составляет доктринальную основу авторской конструкции обосновываемого механизма применения мер пресечения. Высказаны предложения по изменению и дополнению российского уголовно-процессуального законодательства. Отражено выполнение каждой задачи диссертационного исследования, что свидетельствует о реализации авторского замысла и достижения поставленной цели настоящей научной работы.

Приложения содержат результаты проведённого анкетирования работников суда, сотрудников прокуратуры, сотрудников органов предварительного расследования, адвокатов.

Основные положения диссертации отражены в следующих опубликованных работах автора:

Монографии:

1. Рудич, В. В. Организационно-правовой механизм применения мер пресечения в уголовном процессе : монография / В. В. Рудич. – М. : Издательство «Юрлитинформ», 2018. – 416 с. – 26,0 п.л.
2. Рудич, В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения : монография / В. В. Рудич. – Екатеринбург : Уральский государственный юридический университет, 2016. – 92 с. – 5,35 п.л.

Статьи, опубликованные в журналах, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования:

3. Рудич, В. В. Реализация международно-правового стандарта обоснованности подозрения при избрании судом меры пресечения в виде заключения под стражу / В. В. Рудич // Вестник Томского государственного университета. Право. Научный журнал. – 2017. – № 25. – С. 113-120. – 0,5 п.л. (Web of Science Core Collection).
4. Рудич, В. В. Проблемы расширения прав обвиняемого, к которому в ходе производства по уголовному делу о преступлении в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности применяются меры пресечения / В. В. Рудич // Вестник Томского государственного университета. Право. Научный журнал. – 2017. – № 24. – С. 86-91. – 0,3 п.л. (Web of Science Core Collection).
5. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в судебной процедуре принятия решения об избрании меры пресечения как гарантия законности и обоснованности постановлений судьи / В. В. Рудич // Юридическая наука и практика : Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 3. – С. 96-100. – 0,4 п.л. (Web Of Science (ESCI)).

***Статьи в рецензируемых научных журналах и изданиях, рекомендованных
Высшей аттестационной комиссией Министерства образования и науки
Российской Федерации для опубликования результатов диссертационных
исследований:***

6. Рудич, В. В. Допуск нотариуса к предпринимателям, содержащимся под стражей: проблемы реализации / В. В. Рудич // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 1. – С. 4-8. – 0,5 п.л.
7. Рудич, В. В. Меры пресечения от прокурора к судебному контролю: что дальше? / В. В. Рудич // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6. – № 1. – С. 83-86. – 0,4 п.л.
8. Рудич, В. В. Право обвиняемого на перекрёстный допрос как неотъемлемое условие справедливой судебной процедуры при решении вопроса о применении меры пресечения. / В. В. Рудич // Российское право: образование, практика, наука. – 2019. – № 6. – С. 59-65. – 0,5 п.л.
9. Рудич, В. В. Предоставление обвиняемому (подозреваемому) права на свидание с нотариусом для совершения нотариальных действий в целях осуществления предпринимательской деятельности / В. В. Рудич // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2019. – № 1. – С. 18-21. – 0,3 п.л.
10. Рудич, В. В. О гарантиях прав участников процедуры избрания меры пресечения по уголовному делу / В. В. Рудич // Уголовное право. – 2018. – № 3. – С. 114-117. – 0,4 п.л.
11. Рудич, В. В. Об исследовании мировым судьёй обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения по уголовному делу с обвинительным актом / В. В. Рудич // Мировой судья. – 2018. – № 3. – С. 29-32. – 0,3 п.л.
12. Рудич, В. В. К вопросу о справедливости применения мер пресечения по уголовному делу / В. В. Рудич // Социально-политические науки. – 2018. – № 1. – С. 123-125. – 0,3 п.л.
13. Рудич, В. В. Судебная практика избрания мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической

- деятельности / В. В. Рудич // Проблемы экономической и юридической практики. – 2018. – № 1. – С. 173-175. – 0,3 п.л.
14. Рудич, В. В. Особенности избрания мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (часть 1) / В. В. Рудич // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. – 2017. – № 1. (69). – С. 96-100. – 0,3 п.л.
15. Рудич, В. В. К вопросу о понятии уголовно-процессуального механизма применения мер правового принуждения – пресечения / В. В. Рудич // Общество и право: научно-практический журнал. – 2017. – № 2. – С. 161-165. – 0,4 п.л.
16. Рудич, В. В. Новеллы в правовом режиме содержания обвиняемого под домашним арестом при производстве по уголовному делу / В. В. Рудич // Общество и право: научно-практический журнал. – 2017. – № 3. – С. 118-120. – 0,25 п.л.
17. Рудич, В. В. Обвиняемый под домашним арестом: контакт с нотариусом / В. В. Рудич // Уголовное судопроизводство. – 2017. – № 4. – С. 24-26. – 0,25 п.л.
18. Рудич, В. В. Стандарты допустимости доказательств по уголовным делам, выработанные в решениях европейского суда по правам человека / В. В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2017. – № 5. – С. 9-12. – 0,3 п.л.
19. Рудич, В. В. Международно-правовой стандарт разумности срока применения судом меры пресечения в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2017. – № 4 (38). – С. 56-60. – 0,4 п.л.
20. Рудич, В. В. Модернизация правового механизма судебного контроля за применением мер пресечения (по делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности) / В. В. Рудич // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). Международный журнал. – 2017. – № 4. – С. 70-74. – 0,35 п.л.
21. Рудич, В. В. Особенности избрания мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (часть 2) / В. В. Рудич // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). Международный журнал. – 2017. – № 2. – С. 78-82. – 0,35 п.л.

22. Рудич, В. В. Правовая политика применения мер пресечения в отношении обвиняемых по уголовным делам в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. В. Рудич // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2016. – № 8. – С. 286-288. – 0,35 п.л.
23. Рудич, В. В. Участие потерпевшего в процедуре принятия судом решения об избрании меры пресечения / В. В. Рудич // Уголовное право. – 2016. – № 5. – С. 84-87 – 0,35 п.л.
24. Рудич, В. В. Изменение правового статуса потерпевшего в процедуре избрания меры пресечения по решению суда / В. В. Рудич // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 125-127. – 0,3 п.л.
25. Рудич, В. В. Проверка обоснованности подозрения при принятии судом решения об избрании меры пресечения: в контексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 мая 2016 года / В. В. Рудич // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – № 3. – С. 45-50. – 0,35 п.л.
26. Рудич, В. В. Особенности правового режима применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности / В. В. Рудич // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда (ЭПОС). Международный журнал. – 2016. – № 3. – С. 44-47. – 0,4 п.л.
27. Рудич, В. В. Позиции Конституционного Суда РФ по вопросу о конституционности положений уголовно-процессуального законодательства относительно исключений из общего порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу / В. В. Рудич // Общество и право : научно-практический журнал. – 2016. – № 2. – С. 240-243. – 0,4 п.л.
28. Рудич, В. В. К вопросу о возможности изменения политики применения мер уголовно-процессуального пресечения к лицам, обвиняемым в совершении преступлений в сфере экономической деятельности / В. В. Рудич // Вестник Краснодарского университета МВД : научно-практический журнал. – 2016. – № 2. – С. 124-126. – 0,3 п.л.

29. Рудич, В. В. К вопросу об изъятиях из запрета на заключение под стражу предпринимателей / В. В. Рудич // Вестник Томского государственного университета. – 2015. – № 398. – С. 158-162 – 0,4 п.л.
30. Рудич, В. В. К вопросу о праве подсудимого на защиту от обвинения и доказательств, представляемых обвинителем / В. В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 5. – С. 11-14. – 0,3 п.л.
31. Рудич, В. В. Международные стандарты допустимости доказательств, полученных под пытками и иным путем бесчеловеческого обращения с задержанными (арестованными) по уголовному делу / В. В. Рудич // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2015. – Том 15. – № 4 – С. 53-57. – 0,3 п.л.
32. Рудич, В. В. О понятии и сущности публичного уголовного преследования в российском судопроизводстве / В. В. Рудич, Д. И. Ураков // Общество и право : научно-практический журнал. – 2015. – № 3. – С. 172-175. – 0,35 п.л.
33. Рудич, В. В. Проекты новелл о следственном судье как субъекте, уполномоченном на применение существенных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Российский следователь. – 2015. – № 17. – С. 21-25. – 0,4 п.л.
34. Рудич, В. В. Уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. В. Рудич, Л. М. Фетищева // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. – 2015. – № 3 (63). – С. 75-79. – 0,4 п.л.
35. Рудич, В. В. Судебные позиции по вопросу заключения под стражу лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2015. – № 4 (59). – С. 21-23. – 0,3 п.л.
36. Рудич, В. В. Международные стандарты разумности процессуальных сроков в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 2. – С. 8-9. – 0,2 п.л.

37. Рудич, В. В. Применение меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности / В. В. Рудич. // Общество и право : научно-практический журнал. – 2015. – № 1. – С. 197-202. – 0,4 п.л.
38. Рудич, В. В. К вопросу о совершенствовании превентивного судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В. В. Рудич. // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – № 4. (30) – С. 157-159. – 0,3 п.л.
39. Рудич, В. В. К вопросу о соотношении категорий «законность» и «справедливость» в современном уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2014. – № 8. – Том 3. – С. 552-555. – 0,3 п.л.
40. Рудич, В. В. Международно-правовые принципы и стандарты справедливого уголовного судопроизводства / В. В. Рудич, О. А. Зайцев // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2014. – № 4. – С. 3-5. – 0,4 п.л.
41. Рудич, В. В. Справедливость современного уголовно-процессуального законодательства / В. В. Рудич // Общество и право : научно-практический журнал. – 2013. – № 1. – С. 185-188. – 0,3 п.л.
42. Рудич, В. В. К вопросу о справедливости курса на модернизацию уголовно-процессуального законодательства в пользу лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью / В. В. Рудич // «Черные дыры» в российском законодательстве. Юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 113-115. – 0,3 п.л.

Другие статьи, тезисы докладов и выступлений на научных конференциях:

43. Рудич, В. В. Особенности применения мер пресечения по преступлениям, совершенным в сфере предпринимательской деятельности в свете требований федерального закона от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ / В. В. Рудич // Современные проблемы уголовно-правовой охраны экономических отношений. Сб. материалов круглого стола в рамках X Пермского конгр. ученых – юристов 26.10.2019 г. – С. 116-120. – 0,3 п.л.

44. Рудич, В. В. Обеспечение права обвиняемого (подозреваемого) на совершение нотариальных действий: практический аспект / В. В. Рудич, А. О. Машовец // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2019. – Ч. 83. – С. 113-121. – 0,5 п.л.
45. Рудич, В. В. К вопросу о перекрёстном допросе / В. В. Рудич // Вестник Уральского института экономики управления и права. – 2018. – № 2. (43) – С. 49-53. – 0,3 п.л.
46. Рудич, В. В. Перспективы смены существующей модели механизма применения мер пресечения в контексте перехода к состязательному типу уголовного судопроизводства / В. В. Рудич // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск : Издательский Дом Томского гос. ун-та, 2018. – Ч. 79. – С. 138-151. – 0,5 п.л.
47. Рудич, В. В. Проблемы совершенствования действующего механизма применения мер пресечения в рамках уголовной политики в Российской Федерации / В. В. Рудич // Конституционная реформа и модернизация общественного сознания : материалы Международной науч.-практ. конф. (в рамках VII Сапаргалиевских чтений, Алматы, 16 марта 2018 г.). – Алматы : Евразийская юридическая акад. им. Д.А. Кунаева, 2018. – С. 55-57 – 0,25 п.л.
48. Рудич, В. В. О создании в российском уголовном судопроизводстве института следственного судьи / В. В. Рудич // Перспективы совершенствования уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Караганда : Карагандинская акад. МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2018. – С. 62-64. – 0,2 п.л.
49. Рудич, В. В. Основы юридического учения о мерах правового принуждения в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Предупреждение преступности юридический журнал. Казахстанская криминологическая ассоциация. – 2018. – № 1. – С. 44-49. – 0,4 п.л.
50. Рудич, В. В. Уголовно-процессуальная политика по созданию института мер пресечения для лиц, совершивших преступления в сфере экономической

- деятельности / В. В. Рудич // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : Научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 61-67. – 0,3 п.л.
51. Рудич, В. В. Круг лиц, на которых не распространяется действие ч. 1.1. ст. 108 УПК РФ / В. В. Рудич // Юридический вестник Кубанского гос. ун-та. – 2017. – Спецвыпуск. – С. 56-58. – 0,25 п.л.
52. Рудич, В. В. Правовой стандарт обоснованности применения мер пресечения в отношении обвиняемого по уголовному делу / В. В. Рудич // Актуальные проблемы современной науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию заслуженного деятеля РК, д-ра юрид. наук, проф. О. Ш. Жалаири и 25-летию Евразийской юрид. акад. им. Д. А. Кунаева. – Алматы, 2017. – С. 235-239. – 0,35 п.л.
53. Рудич, В. В. Процессуальная роль следователя в применении мер пресечения в российском уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Совершенствование деятельности правоохранительных органов с учетом современных реалий : материалы Междунар. науч.-практ. конф. в свете изм. и доп. в уголовное, уголовно-процессуальное и административное законодательство (17.11.2017 г.) – Актобе : АЮИ МВД Респ. Казахстан им. М. Букенбаева. – 2017. – С. 255-257. – 0,2 п.л.
54. Рудич, В. В. Об установлении фактических обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, при решении вопроса об избрании меры пресечения в отношении обвиняемого / В. В. Рудич // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Междунар. науч.-практ. конф. (19–20 окт. 2017 г.). – Орел : ОрЮИ МВД России им. В. В. Лукьянова, 2017. – С. 373-378. – 0,3 п.л.
55. Рудич, В. В. Об исследовании судом оснований для избрания меры пресечения в отношении обвиняемого (подозреваемого) в виде заключения под стражу / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Всероссийской науч.-практ. конф., 29 сент. 2017 г. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2017. – С. 232-236. – 0,25 п.л.
56. Рудич, В. В. О разновекторности правовой политики применения мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права России

и стран СНГ – 2017 : Материалы XIX Международной науч.-практ. конф. – Челябинск : Цицерон, 2017. – Ч. II. – С. 161-164 – 0,25 п.л.

57. Рудич, В. В. Об особенностях современной уголовно-процессуальной политики применения мер пресечения по различным категориям уголовных дел / В. В. Рудич // Проблемы уголовного судопроизводства, криминалистики и судебной экспертизы в современном мире : материалы Всерос. заоч. науч.-практ. конф. (23.03.2007 г.). Сб. ст. / СКФ ФГБОУ ВО «РГУП». – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 191-196. – 0,4 п.л.

58. Рудич, В. В. Новая правовая доктрина применения мер уголовно-процессуального пресечения при расследовании преступлений экономической направленности / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 22–23 сент. 2016 г. / МВД РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. филиал КУ МВД России. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2017. – С. 204-207. – 0,25 п.л.

59. Рудич, В. В. Судебная практика применения меры пресечения в виде заключения под стражу в свете требований Федерального закона от 7 апреля 2010 г.

№ 60-ФЗ / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права России и стран СНГ – 2016 : материалы XVIII Междунар. науч.-практ. конф. – Челябинск, 2016. – Ч. II. – С. 279-281. – 0,2 п.л.

60. Рудич, В. В. Новшества в теории и практике применения мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич // Проблемы эффективности права в современной России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Т. 2. – Краснодар, 2016. – С. 544-550 – 0,4 п.л.

61. Рудич, В. В. О перспективах реформирования досудебного производства в российском уголовном процессе / В. В. Рудич // Актуальные вопросы правовых научных исследований в системе органов внутренних дел : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Караганда : Науч.-исслед. ин-т Карагандинской акад. МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2016. – С. 297-300. – 0,3 п.л.

62. Рудич, В. В. Новые механизмы применения обеспечительных мер уголовно-процессуального принуждения / В. В. Рудич // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. матер. Междунар. конф. к 60-летию д-ра юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки РФ В. В. Николука. – Орел : Орловский юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2016. – С. 311-314. – 0,2 п.л.
63. Рудич, В. В. Проблемы обеспечения прав личности при применении мер уголовно-процессуального пресечения / В. В. Рудич // Право, наука, образование: традиции и перспективы : сб. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию образования Саратовской гос. юрид. акад. (в рамках VII Саратовских правовых чтений, Саратов, 29-30 сентября 2016 г.) – Саратов : Изд-во Саратовская государственная юридическая академия, 2016. – С. 544-545. – 0,2 п.л.
64. Рудич, В. В. Решения Европейского суда по правам человека о недопустимости использования при получении обвинительных доказательств по уголовному делу ловушек и провокаций / В. В. Рудич // Вестник Коми республиканской академии государственной службы и управления. Серия «Государство и право». – 2015. – № 20. – С. 45-47. – 0,25 п.л.
65. Рудич, В. В. О следственном судье как субъекте судебного контроля за применением мер пресечения в ходе досудебного производства по уголовному делу / В. В. Рудич // Научная дискуссия: вопросы права : материалы Всерос. науч.-практ. конф. 2015. – Моздок : Моздокский филиал МАЭП, 2015. – С. 208-211. – 0,25 п.л.
66. Рудич, В. В. Следственный судья в российском уголовном судопроизводстве: дискуссия продолжается / В. В. Рудич // Управленческие аспекты развития Северных территорий России : материалы Всерос. науч. конф. (20-23 окт. 2015 г., Сыктывкар) : в 4 ч. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСиУ, 2015. – Ч. 1. – С. 112-115. – 0,2 п.л.
67. Рудич, В. В. Позиции Верховного Суда Российской Федерации по вопросу применения заключения под стражу в отношении лиц, обвиняемых в совершении экономических преступлений / В. В. Рудич // Современное уголовно-

процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. 15-16 окт. 2015 г. – Орел : Орловский юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова, 2015. – С. 275-278. – 0,2 п.л.

68. Рудич, В. В. Процессуальные особенности заключения под стражу лиц, совершивших преступления в сфере предпринимательской деятельности / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 17–18 сентября 2015 г. / М-во внутр. дел РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. фил. Краснодар. ун-та МВД России. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2015. – С. 215-219. – 0,2 п.л.

69. Рудич, В. В. Современная уголовно-процессуальная политика применения мер пресечения к лицам, обвиняемым в преступлениях, совершенных в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности / В. В. Рудич // Современные проблемы уголовной политики : материалы VI Междунар. науч.-практ. конф., 25.09.2015 г. : в 2 т. / под ред. А. В. Симоненко. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России, 2015. – Т. II. – С. 184-186. – 0,15 п.л.

70. Рудич, В. В. Постановление справедливого приговора суда в российском уголовном процессе / В. В. Рудич // Сборник статей Международ. науч.-практ. конф. «Современный профессионализм: нравственные, социально-экономические, политические и правовые аспекты». – М. : МАЭП, 2014. – С. 231-236. – 0,2 п.л.

71. Рудич, В. В. К вопросу о продлении судами сроков домашнего ареста и содержания под стражей / В. В. Рудич // Вестник Коми республиканской государственной службы и управления. Серия «Государство и право». – 2014. – № 18. – С. 158-159. – 0,2 п.л.

72. Рудич, В. В. О правовой модели обвинительно-следственной власти и ее деятельности по реализации государственного принуждения в сфере уголовного процесса / В. В. Рудич // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – М. : МАЭП, 2014. – С. 40-42. – 0,15 п.л.

73. Рудич, В. В. О справедливости существующих институтов досудебного производства в уголовном процессе / В. В. Рудич // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию принятия Устава уголовного судопроизводства Российской Империи. – Орел : Орловский юрид. ин-т МВД России им. В. В. Лукьянова, 2014. – С. 198-202. – 0,2 п.л.
74. Рудич, В. В. О проблемах обеспечения прав и законных интересов потерпевших при принятии процессуальных решений по уголовному делу / В. В. Рудич // Развитие права: актуальные проблемы и перспективы : материалы Всерос. науч.-практ. конф. – Моздок : МФ МАЭП, 2014. – С. 137-140. – 0,2 п.л.
75. Рудич, В. В. К вопросу о дифференциации форм уголовно-процессуальных форм судопроизводства / В. В. Рудич // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере : материалы Итоговой Всерос. науч.-практ. конф. (23-24 октября 2014 г., Сыктывкар) : в 3 ч. – Сыктывкар : ГОУ ВО КРАГСИУ, 2014. – Ч. 1 – С. 148-153. – 0,2 п.л.
76. Рудич, В. В. Уголовная политика и модернизация уголовно-процессуального законодательства / В. В. Рудич // Современные проблемы уголовной политики : материалы V Междунар. науч.-практ. конф., 3 окт. 2014 г. : в 3 т. – Краснодар : Краснодарский ун-т МВД России. – Т. III. – С. 36-41. – 0,25 п.л.
77. Рудич, В. В. Свойство справедливости в современном уголовно-процессуальном праве / В. В. Рудич // Актуальные проблемы права и правоприменительной деятельности на современном этапе : материалы Междунар. науч.-практ. конф., 25-26 сентября 2014 г. / МВД РФ, Краснодар. ун-т МВД России, Новорос. филиал КУ МВД России. – Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2014. – С. 201-204. – 0,2 п.л.
78. Рудич, В. В. К вопросу о справедливости российского уголовно-процессуального законодательства / В. В. Рудич // Современные проблемы законности и справедливости в уголовном процессе. Материалы междунар. науч.-

практ. конф. посвященной 80-летию заслуженного юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. А. П. Гуляева. – М. : МАЭП, 2014. – С. 232-236. – 0,25 п.л.

79. Рудич, В. В. К вопросу о конституционном праве потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту в уголовном судопроизводстве / В. В. Рудич // Актуальные проблемы уголовного права, уголовного процесса, криминалистики и криминологии : Материалы международной науч.–практ. конф. – М. : МАЭП, 2013. – С. 40-43. – 0,2 п.л.

80. Рудич, В. В. Свойство допустимости уголовно-процессуальных доказательств в контексте Европейского Суда по правам человека / В. В. Рудич // Вестник Коми республиканской государственной службы и управления. Серия «Государство и право». – 2012. – № 15. – С. 48-51. – 0,25 п.л.

81. Рудич, В. В. Истина и справедливость как назначение уголовно-процессуального доказывания / В. В. Рудич // Совершенствование деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью в современных условиях : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (2-3 ноября 2012 г.). Выпуск 9. – Тюмень : «ТГАМЭУП», 2012. – С. 355-359. – 0,25 п.л.

82. Рудич, В. В. Проверка допустимости доказательств в условиях справедливого судебного разбирательства по уголовному делу / В. В. Рудич // Политические, экономические и социокультурные аспекты регионального управления на Европейском Севере : материалы XI Всерос. науч.-теор. конф. (с междунар. участием). 25-26 окт. 2012 г. – Ч. 1. – Сыктывкар, 2012. – С. 133-138. – 0,3 п.л.

Подписано в печать Формат 60x84 1/16
Бумага офсетная Печать офсетная
Заказ № 6975 Тираж 120 экз.

Отпечатано в типографии
ООО «Издательство УМЦ УПИ»
г. Екатеринбург, ул. Гагарина, 35а, оф. 2
Тел.: (343) 362-91-16